

К 90-летию Ж.Т. ТОЩЕНКО

© 2025 г.

Н.А. КАСАВИНА

«ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ» КАК КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

КАСАВИНА Надежда Александровна – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры Института философии РАН, Москва, Россия (kasavina.na@yandex.ru).

Аннотация. Концепция общества травмы Ж.Т. Тощенко рассматривается с обращением к конкретным социологическим и психологическим исследованиям последних лет. Предлагаемые размышления погружают ее в контекст социально-философского дискурса, который интегрирует культурные формы понимания травматических событий, работает в междисциплинарном поле, прогнозирует риски и негативные последствия социального развития, разрабатывает пути их преодоления. В этом проявляются и осуществляются критическая и эвристическая функции научного познания. Они предусматривают, с одной стороны, трезвую и беспристрастную оценку социальной действительности, свободу исследовательской деятельности, ценность которой ярко обозначил М. Вебер, а с другой – устремление к возможному горизонту развития культуры и общества, названное К. Ясперсом «беспокойством духа». Акцентируется цивилизационный смысл феномена общества травмы, адресующий к пониманию культурных разрывов, кризиса метанarrативов, радикальных изменений деятельности социальных институтов, резких флуктуаций жизненного мира. Травматизация как социальный феномен связана с нарушением преемственности социокультурного развития, его целенаправленности и управляемости, порождает длительный негативный след в отношении социально-психологического самочувствия населения, переживание неустойчивости, неопределенности существования, дефицит ощущения благополучия. В связи с этим в статье сопоставляются данные разных исследований, показывающих особенности и динамику субъективного отклика на травму. Проведенный анализ свидетельствует об амбивалентности общественного сознания современной России с ориентацией в сторону поиска устойчивых оснований цивилизационной идентичности. Существующие противоречия обращают к значимости интеграции ее различных оснований для избежания новых витков коллективной травматизации.

Ключевые слова: общество травмы • Ж.Т. Тощенко • идентичность • ценности • социальное самочувствие • социальное благополучие • психологическое состояние общества • человеческий потенциал • традиции

DOI: 10.31857/S0132162525010014

«Общество травмы» в познании социальной реальности. Концептуализация «общества травмы» в социальном познании, предпринятая Ж.Т. Тощенко, – яркий пример воплощения важнейшей миссии научного исследования: критической оценки и гуманитарной экспертизы изменений социальной реальности и ее формирования.

Социально-гуманитарное знание в современном смысле во многом выступает как критика знания, которая предполагает обнаружение когнитивных разрывов, ложности имеющихся понятийных конструкций, незавершенности всякого текста или интерпретации [Касавин, 2021: 8]. Это и попытка их продолжения, поиск новых возможностей понимания человека, культуры, общества. Ж.Т. Тощенко разработал значимую когнитивную стратегию исследования современного общества, которая уже дала о себе знать, укрепившись в научных исследованиях и публикациях, и актуализируется в ситуации новых вызовов и противоречий современности.

Понятие «общество травмы», обоснованное Ж.Т. Тощенко, является новым уровнем научного понимания коллективного травматического опыта. Этот способ исследования обращен к травме не как трагическому событию индивидуальной жизни или опыту группы. И то, и другое не устраняется из рефлексивного поля, но речь идет прежде всего об обществе в целом, о типе общества, об институциональных источках и проявлениях травмы, что открывает новые возможности ее понимания.

Как показывает автор, в изучении общества, его существования и трансформации укоренились две основные формы реконструкции социального становления – эволюция и революция. В 2017 г., к 100-летию года революций в России, было проведено множество научных мероприятий, которые переосмысливали эту категориальную пару как способ обобщения общественных изменений¹. В современном социальном познании, которое опирается на классические теории, она продолжает фигурировать как основополагающая. Ж.Т. Тощенко представляет подробное описание истории и состояний ряда стран, которые не вписываются в данную понятийную дилемму, показывая, что социальная реальность превосходит это обобщение. Современные геополитические, социальные и межкультурные реалии заставляют иначе взглянуть на многие процессы общественного развития, принимая во внимание перманентный характер глубоких кризисных состояний социума. Концепции эволюции и революции в ряде случаев перестают выполнять объяснительную, нормативную и прогностическую функцию в отношении к динамичному и напряженному характеру социальных изменений. «Общество травмы» позволяет представить факторы и конфигурации этих состояний, возможные сценарии их преодоления, управления ими.

Общество травмы характеризуется нестабильностью, неустойчивостью существования как следствием радикальных политических потрясений, стратегической неопределенности развития, стагнации экономического роста, нарушения процессов социальной и культурной идентификации [Тощенко, 2020], т.е. того, что можно назвать изменениями цивилизационного характера. В сущности, это – оборотная сторона постмодерна, эпохи конца «великих повествований» (Ж.-Ф. Лиотар), универсальных значений, предельных смыслов, некогда выполнявших роль оправдания истории через парадигму прогресса, но уступивших место оптике риска, неустойчивости и утраты определенности.

Общество травмы можно считать следствием цивилизационных разрывов, когда резко меняется ценностное поле общественного сознания, ломается сложившаяся в течение длительного времени деятельность основных социальных институтов, что не может не сопровождаться нарушением преемственности социокультурного развития, его целенаправленности и на длительное время провоцирует рецессию общественной системы. На уровне социального самочувствия травма нарушает значимые связи и традиции, скрепляющее, поддерживающее чувство осмыслинности, социальной общности и безопасности.

Этот взгляд показывает кризис воззрений на общественное развитие как управляемое, ведущее к социальному порядку, гармонизации социума, социальному росту и общественному благополучию. Реальность в многообразии, конфликтности, пересечении интересов и борьбы оказывается во многом иной, не соответствует сложившимся представлениям

¹ Например, серия научных мероприятий проходила в течение 2017 г. в Институте философии РАН. URL: https://iphras.ru/rev_17.htm

о логике пути к общественному идеалу. Ж.Т. Тощенко показывает это в первом разделе книги через анализ сложившейся в Новое время концепции прогресса и обоснование методологической роли понятия «травма». Представления о прогрессе имеют прежде всего нормативный смысл, указывающий, что общество должно стремиться к социальному благу, в этом состоит ключевая цель его развития. Эволюция базируется на представлениях о движении общества к все более совершенному, гармоничному состоянию, в котором на иной высоте возможны развитие и самореализация человека. Ядром этого движения является непрерывное накопление способов и результатов роста. Иное дело, что катастрофические события масштабного характера, крупные политические изменения, социальные дистанции и сталкивающиеся интересы доминирующих групп нарушают этот процесс, делают его полным противоречий и разрывов. Последовательность и восходящий характер развития общества как общественный идеал прерывается – революцией, кризисом, стагнацией или иными формами, что подробно рассматривает Ж.Т. Тощенко.

Революция представляет другой модус общественных изменений – радикальный скачок к иной общественной реальности, резкое изменение основ общества и прежде всего его социально-экономической и политической сфер [Тощенко, 2020: 17–18]. И революция, и эволюция – векторы желаемого перехода к более высокому уровню развития общества, связанные с представлениями о прогрессе. Однако не всегда социальная динамика отвечает критериям прогресса. Ж.Т. Тощенко, проясняя «калейдоскоп концепций» прогресса, ставит задачу поиска нового понятия, способного отразить сложный характер конкретной социальной реальности, не уводя ее в сторону привычных методологических клише. Таким понятием и оказывается травма, рассматриваемая как промежуточное положение общества между революцией и эволюцией, когда период скачкообразного революционного перехода пройден, но эволюция как совершенствование, усложнение, достижение более высокой ступени развития не наступила.

Революция – чрезвычайно болезненное для общества и человека переломное изменение, которое не может не дать признаков регресса, жестокой ломки существующего порядка и фундаментального кризиса. Это хорошо известно на примере многих революций, каждая из которых – отдельный пример длительного последующего восстановления, перехода к эволюционному накоплению. Эволюция также может сопровождаться общественным застоем, консерватизацией как ее побочными эффектами, которые могут привести к революции и необходимости долговременной социальной реабилитации. Эти промежуточные периоды могут переходить в стабильно-затянувшиеся состояния, понимание которых нуждается в новых концептуальных средствах.

Помимо социально-политических факторов изменения социально-гуманитарной картины мира важно подчеркнуть роль методологических поворотов. На протяжении всего XX в. наблюдался пересмотр идей классического социального эволюционизма по ряду причин. Они связаны с развитием гуманитарных наук и расширением способов понимания общества (под влиянием культурной антропологии, цивилизационного подхода, постмодернизма и др.), с осмысливанием последствий мировых войн, тоталитарных режимов, национализма, реальностей глобального кризиса, экологической ситуации, угрозы ядерной войны, что в совокупности поставило под сомнение идеи прогресса в их прежнем значении. От идеализации прогресса и однолинейной эволюции совершается переход к разностороннему анализу социального становления в контексте изменений культурной среды в широком смысле слова, охватывающем все сферы жизни общества. Социальная философия, философия истории и культуры иного, современного типа не связаны уже так явно с конкретной идеологией и стремятся к преодолению теоретических стереотипов, к уравновешиванию идей поступательного развития и изучению его рисков и отступлений. Речь здесь также может идти о соотношении нормативных подходов, дающих целевую перспективу, и дескриптивных, направленных на описание реального состояния общества и жизненного мира с акцентом на межкультурном и философско-антропологическом ракурсах исследований. В связи с этими изменениями возникает

необходимость обоснования новых понятий, отражающих формирование неоэволюционистских взглядов. Прогресс как концепт все чаще уступает место адаптации и копинг-моделям в отношении как внешнего воздействия, так и внутренних институциональных изменений. Ускорение изменений в мире в свою очередь приводит к ощущению нарастающей хаотизации, утраты устойчивости и определенности, кризиса идентичности и доверия общественному порядку. Общество травмы фиксирует ситуацию переходного социума, которая все более тяготеет уже не к временному, а постоянному характеру становления общества. П. Тиллих, осмысливая историю мировой культуры, в свое время показал, что в разные ее периоды преобладала конкретная форма тревоги, которая проявлялась прежде всего на границах эпох. ХХ век столкнулся с тревогой пустоты и утраты смысла, духовной тревогой, не только не преодоленной, но и усиленной в наши дни. Сегодня это становится перманентным признаком жизни в целом, особенно если принимать во внимание курсирование проявлений тревоги в медиапространстве. Случившиеся в последние годы общественные потрясения (эпидемия COVID-19, масштабные геополитические конфликты) заставляют осознавать это с особой остротой. Размышления Ж.Т. Тощенко с опорой на известные трактовки травмы в ее социальном и культурном значениях (Р. Айерман, Дж. Александр, З. Бауман, Н. Смелзер, П. Штомпка, Ю. Хабермас и др.) обоснованно проясняют ключевые моменты неизбежного перехода от парадигмы прогресса к расширению понимания общественной динамики, несущей неотъемлемые черты кризиса, теневой, травматической сторон развития.

Концепция «общества травмы» обращена к исследованию «зигзагов», «отступлений», угроз желаемого прогрессивного общественного процесса и, согласно автору, отличается от дискурса «кризиса». Кризису свойственны более четкие границы в пространственно-временных аспектах, более артикулируемые причины и способы преодоления [Тощенко, 2020: 26]. Травма же отличается длительным характером, менее выраженными возможностями ее понимания и, соответственно, индивидуального и социального сопротивления.

Вместе с тем современное понимание кризисности претерпело существенные изменения. Кризис перестает быть периодом или сбоем в устойчивом развитии общества. Само общество трактуется как «перманентно переходная (лиминальная) структура, которая никогда не выходит из переходности, образуя режим кризисной социальности». Кризисная социальность характеризуется усилением, наложением друг на друга рисков, угроз, травм, катастроф на макро- и микроуровнях социальной системы [Катерный, 2023: 23]. Травматизация усиливается кризисностью и наоборот, одно переходит в другое, образуя вихрь дезорганизующих социальную среду процессов. В этом вихре и старается разобраться Ж.Т. Тощенко на примере России, опираясь на подробный анализ травмирующих условий и факторов во всех основных сферах жизни общества – экономической, политической, социальной и духовно-культурной. Складывается целостная картина проявлений травмы как общественного состояния, изучение которого несет важный методологический смысл и социально-значимый копинг-потенциал.

Российское общество в ситуации травмы. Методология общества травмы развернута Ж.Т. Тощенко в широком ключе, охватывая мировое геополитическое пространство, новый европейский ландшафт, сложившийся после распада СССР. Особое внимание направлено на российское общество, которое, согласно автору, под влиянием неудачной трансформации социалистического хозяйствования в 1990-е гг., неоправданного отказа от его результатов долгий период времени находится в травматической фазе своего становления. Резкие институциональные изменения привели к длительному и еще не преодоленному кризису, который все более тяготеет именно к смысловому полю травмы. Исследование Ж.Т. Тощенко объединяет анализ объективных институциональных, структурных факторов общества травмы и субъективного, человеческого отклика на произошедшие изменения. Динамика экономических и социальных показателей, состояние ведущих отраслей производства, малого бизнеса, сельского хозяйства, плачевное состояние малых городов, сельских территорий и их инфраструктуры, теневая экономика,

бедность населения, социальное отчуждение, рост прекариата – эти и многие другие проявления общества травмы в России получают детальное обоснование с обращением к конкретным цифрам и сравнительному анализу [Тощенко, 2020: 122–126]. Усматривается и экзистенциально-психологический ракурс травматизации – негативные изменения социального самочувствия, формирование жизненного мира с «короткоживущими рефлексиями» [Тощенко, 2020: 119], атомизация и прагматизация социальных связей, рост социальных страхов и тревог, кризис доверия, разочарование в перспективах настоящего и будущего и связанный с этим отказ от значимой деятельности.

Столь масштабный подход является междисциплинарной научной платформы исследования общества. Выводы и прогнозы, представленные автором, плодотворно соотносить с данными исследований в социально-гуманитарных науках, которые также направлены на поиск и применение индикаторов, показывающих человекоразмерность общественного развития. Например, исследования, посвященные социальному благополучию, социальному самочувствию, человеческому капиталу, психологическому состоянию общества, динамике ценностных ориентаций. Рассмотрим некоторые выводы Ж.Т. Тощенко в их спектре.

Очень интересен в данном проблемном поле макропсихологический подход, который активно развивается в Институте психологии РАН и предполагает изучение психологических проявлений глобальных социальных явлений и процессов [Журавлев, Юревич, 2012; Юревич и др., 2009; Юревич, 2019]. Как подчеркивает А.В. Юревич, автор композитного индекса психологического состояния общества², макропсихология соответствует тенденции широкого использования социальных индикаторов в различных социогуманитарных науках [Журавлев, Юревич, 2012]. Изучаются как ситуативные состояния травматизации (рост тревожности, апатии, агрессивности), так и ее глубокие следствия, формируемые в долгосрочной перспективе (кризис идентичности, падение доверия к власти, дефицит ощущения безопасности) [Нестик и др., 2021].

Принимая во внимание существенные различия в используемых подходах и понятиях, фиксирующих психологическое состояние общества, обратимся к общему содержательному спектру выводов. Исследования показывают корреляцию социально-психологического самочувствия в российском обществе (с 1990 по 2017 г.) с социально-экономическими и политическими событиями. Экономическая и политическая напряженность, выраженное социальное неравенство и иные факторы (которые необходимо рассматривать в комплексе) порождают негативные психологические состояния, ухудшающие физическое и духовное здоровье человека [Юревич, 2019]. По оценке авторов, основные причины, вызывавшие тревогу россиян в 1990-е годы, сохраняются и в настоящее время. О существенном улучшении психологического состояния россиян говорить пока не приходится [Юревич и др., 2009].

Эти и другие аспекты социально-психологического самочувствия рассматриваются Ж.Т. Тощенко с привлечением социологических данных. Особую тревогу в его интерпретации вызывает усиление социальных дистанций, обостряющееся социальное неравенство как важнейший признак общества травмы, отчуждение между социальными слоями и группами, разочарование в социальной справедливости. Если снова обратиться к психологическим исследованиям, оказывается, что степень социальной поляризации является важнейшим показателем благополучия общества. Выраженная поляризация есть показатель неблагополучия, приводящий к ухудшению психологического состояния общества [Лебедев, 2018]. Именно так, судя по оценкам Ж.Т. Тощенко, поляризация воспринимается в российском обществе. Это находит косвенное отражение и в исследованиях о влиянии нематериальных факторов на консолидацию российского общества (2021–2024),

² Композитный индекс психологического состояния общества объединяет два вторичных индекса – индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых в свою очередь интегрирует три первичных индекса (среди первичных индексов – психические расстройства и смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств; социальное сиротство и разводы; убийства и самоубийства). См.: [Журавлев, Юревич, 2012].

всевозглавляемых академиком М.К. Горшковым. Авторы показывают, что особое место в ценностно-нормативной структуре современной России занимают установки на равенство. Проблема равенства доходов и возможностей оказывается одной из важнейших травматических точек социально-экономического пространства [Информационно-аналитический доклад..., 2023: 130]. Вместе с тем это исследование выявило структуру субъективного социального благополучия россиян, которая, несмотря на влияние кризисных явлений последних лет, признается достаточно устойчивой. Обоснован вывод, что даже в ситуации современных вызовов и угроз в психологическом самочувствии россиян есть необходимые основания социальной сплоченности, которые по-своему свидетельствуют о формах сопротивления травматическим событиям и тенденциям [Информационно-аналитический доклад..., 2023: 128].

Относительно высокие ресурсы социально-политической устойчивости и стабильности (хотя и контрастной) российского общества выявлены результатами других масштабных исследований [Левашов, 2024; Козырева, Смирнов, 2022]. Примечательно, что подавляющая часть (73%) россиян считают основные угрозы для России исходящими из-за рубежа [Левашов, 2024]. Очевидно, в ситуации концентрации ресентимента на «внешнем враге», действительно, ожидаем и подтверждается рост сплоченности и социальной солидарности. Однако он, в сущности, выступает травматическим ответом на резко возросший уровень опасности в разных ее проявлениях.

Социально-психологическое состояние населения, согласно Ж.Т. Тощенко, лишь следствие основной проблемы общества травмы – утраты стратегической определенности и преемственности развития на разных уровнях социальной жизни. Постоянным мотивом авторских размышлений является констатация слишком поспешного отказа в 1990-е гг. от достижений советского периода и последующего негативного влияния либеральной политики, которая не привела к формированию четких приемлемых ориентиров роста. Это очень важный и во многом справедливый вывод, характеризующий сложнейший период ломки длительно создаваемого порядка, который нуждался в реконструкции, но, возможно, не в столь резких переменах.

Если говорить о современном периоде, некоторые авторитетные исследования показывают, что либеральные социально-политические, экономические и культурные перемены начала 1990-х гг. на протяжении довольно длительного периода, вплоть до 2021 г., оказывали доминирующее влияние на систему базовых ценностей россиян [Магун, 2023]. Согласно их результатам, с 2006 по 2021 гг. в российском обществе произошел существенный сдвиг в сторону ценностей активного индивидуализма, при этом снизилась приверженность ценностям пассивной социальности – безопасности и конформности. Важно отметить, что активный индивидуализм противопоставляется эгоистическому индивидуализму (включающему ориентацию на власть и богатство), влияние которого, на-против, уменьшилось. В целом, эти изменения являются признаком роста инициативности, открытости, самостоятельности, ответственности, что можно воспринимать как значимое достижение последних десятилетий, результат развития общественного сознания и гражданского общества, адаптации населения к произошедшем в 1990-е гг. переменам. По сравнению с «неоконсервативным поворотом» более сильными оказываются социальные, культурные и экономические влияния, заданные демократическими и рыночными преобразованиями конца 1980-х – начала 1990-х гг. [Магун, 2023: 55]. Если говорить о возможной травматичности будущих социальных изменений, ориентируясь на эти данные, резкая смена идеологического вектора сегодня на усиленно-консервативный может вызвать новую волну тревожности и разочарования, особенно в определенных социальных слоях. Более ожидаема и целесообразна разумная интеграция, баланс наиболее значимых достижений разных периодов, пусть в чем-то противоположных в своих мировоззренческих и социально-политических акцентах. Существующая напряженность между ценностями индивидуализации и коллективизма, традиционностью и влиянием модерна обращает к поиску механизмов согласования разных частей общественного сознания во избежание

новых витков травматизации. Образ «собирания», к которому в цивилизационных исследованиях последних лет обращался Н.И. Лапин, соответствует такой стратегии цивилизационного развития России. Если обращаться к позитивному ракурсу вышеупомянутых исследований под руководством М.К. Горшкова, возможно, наблюдается новая фаза преодоления общества травмы, выхода на более конкретные стратегические линии развития общества с использованием полученного опыта травматических колебаний.

Прекариат: неустойчивость, рискованность, креативность. К важнейшим признакам общества травмы Ж.Т. Тощенко относит прекариат – новое социальное образование, которое автор обозначает как протокласс, показывая настоящие и грядущие серьезные изменения социальной структуры и структуры занятости. Положение прекариата характеризуется неустойчивым, негарантированным социальным положением, гибкой занятостью. К нему принадлежат социальные слои, которые обладают профессиональными знаниями, квалификацией и стремятся строить автономные рациональные связи с обществом и государством [Тощенко, 2020: 123–125]. Сложность положения прекариата состоит в недоступности или ограниченности социально-правовых гарантий и социальной защиты, что может выступать причиной неудовлетворенности и осознания его субъектами ограниченности собственных возможностей. Это подводит автора книги, вслед за Г. Стэндингом, к трактовке этого феномена как опасного для общества вследствие слабой включенности в социальную жизнь, противостояния официальной политике или общественным изменениям [Тощенко, 2020: 124].

Это очень значимая содержательная проекция исследования, которая вскрывает суть злободневных реалий, касающиеся положения значительной части населения – положения, которое находится в стадии становления и, вероятно, изменится в будущем. С одной стороны, оно связано с текучестью и неопределенностью как общими чертами современности, с другой – вызвано конкретными изменениями социально-экономической политики государства, новыми проблемами и противоречиями структуры занятости. Прекариат олицетворяет как ценности свободы и креативности (см.: [Стребков, Шевчук, 2022]), так и риски неустроенности и социальной незащищенности, возможного «экзистенциально-го проигрыша в перспективе биографического проекта индивида» [Абрамов, 2023]. Это действительно зона риска. Возникает вопрос, насколько общество готово поддерживать рискованные проекты? Риск, связанный с новизной, неизбежно сопровождает прорывные разработки, например, в области научных открытий и технологических изменений, имеет интереснейшие прецеденты в истории науки и культуры именно в связи с прекарной занятостью. Не случайно возникают аналогии при ее сопоставлении с научной деятельностью, включающей горизонт творчества и независимости, постановку сверхзадач, а также тенденцию к самозанятости в отдельных научных проектах. Элементы научного прекариата обнаруживаются в контексте современной «пост-нормальной» науки, отчасти легитимирующей деятельность свободных исследователей и представителей «гаражной науки» (см.: [Шибаршина, 2022]). Исследователи показывают, что традиционные научные коммуникации обогащаются новыми, нестандартными идеями ученых-прекариев, которые вносят творческий дух свободы в современную науку, осуществляя поиск возможностей взаимодействия научного сообщества и прекариата [Асташова, 2022; Воронина, Фейгельман, 2022]. Для представителей этой формы занятости главным пороем является не стабильность, а свобода, что отмечает И.Т. Касавин, обращая внимание на прекариат как социальную базу цифрового общества, базу креативности. Он называет это прекариатом 2.0., которому современное государство может помочь и отчасти помогает, предоставляя стартапы для развития, стимулируя гибкую занятость, развитие творческих профессий и иные формы взаимодействия [Касавин, 2022: 26]. Возможно, это грань «политики рая», о которой писал Г. Стэндинг применительно к прекариату в ракурсе ценностей свободы и равенства. Также, важно отметить, что в некоторых оценках динамики занятости в современной России подчеркивается: «количество прекариев растет при благоприятной

экономической ситуации, росте экономической инициативы и невмешательстве государства в экономическую сферу» [Анисимов, 2024: 73].

Эти исследования и оценки можно рассматривать с разных позиций. Так, в проекте М.К. Горшкова отмечается, что консолидирующий потенциал ценности свободы, в отличие от ценности традиций, в российском обществе сегодня невысок [Информационно-аналитический доклад..., 2023: 130]. Несомненно, это реакция на новые угрозы и опасности, которые вызвали волну ориентации на стабильность. Вместе с тем, в исследовании В.С. Магуна ценность традиции (входящей, по Ш. Шварцу, в ценностную категорию Сохранение и соответствующую ориентации подчиненности) за 15 лет до 2021 г. не претерпела изменений, график значимости этой ценности близок к горизонтальной прямой линии [Магун, 2023: 53]. Опираясь на Р. Инглхарта, автор предполагает, что рост материального благополучия вел к ослаблению угрозы экзистенциальной безопасности, а значит – к снижению значимости ценностей безопасности, конформности и традиции и, наоборот, к усилению ценностей активного индивидуализма – самостоятельности, риска-новизны и гедонизма. Судя по результатам исследований М.К. Горшкова, вероятно, эта тенденция в последнее время начала меняться под влиянием новых угроз и нового витка ценностей сохранения, что может оказаться и на восприятии прекариата.

Говоря о защищенности в области традиционной занятости, или незащищенности прекариата, стоит обратить внимание на исследования проблем трудоустройства в современном обществе. В частности, анализ изменений в продолжительности рабочего времени в постсоветской России показывает, что эта продолжительность сегодня существенно повысилась и имеет тенденцию к повышению в будущем. Авторы прогнозируют угрозу эмоционального истощения и физической усталости работников [Козырева, Низамова, Смирнов, 2024], что может выступать одним из факторов заинтересованности в прекарной занятости. Интересно, что стандартная полная официальная занятость как объективно наиболее благополучный вид занятости субъективно не рассматривается как таковая представителями большинства профессиональных групп россиян [Каравай, 2024].

Можно предположить, что решение острых вопросов, связанных с прекариатом, по меньшей мере могут и будут идти в двух направлениях: укрепление и развитие системы традиционной занятости с учетом существующих проблем, с одной стороны; и создание оснований гибкого рынка труда, условий прекарной занятости, форм ее интеграции в систему трудоустройства, что позволит преодолеть ее маргинализацию и отторжение, с другой. Действия правительства в период пандемии, направленные на помочь официально трудоустроенному населению, принятие закона о самозанятых являются важными мерами на пути адаптации к новым социальным, культурным и экономическим условиям (эти и другие аспекты регуляции занятости проанализированы в статье: [Анисимов, 2024]).

* * *

Книга Ж.Т. Тощенко чрезвычайно богата в разных смыслах: как в концептуальном ключе обоснования фундаментального подхода к пониманию истории России и ее современного положения, так и в плане анализа конкретных проявлений деятельности социальных институтов и жизненного мира. У меня получилось откликнуться лишь на некоторые ее положения. Хотелось бы еще раз подчеркнуть: понятие общества травмы является значимым методологическим основанием, позволяющим интегрировать результаты конкретных исследований в междисциплинарном поле и использовать их для социального прогнозирования и социальной практики.

Как частично показано выше на примере ряда исследований, в общественных науках сегодня просматриваются два пересекающихся и взаимодействующих вектора анализа социальной действительности. В одном случае преобладает сурвейный реализм в отношении прошлого и настоящего, в чем-то соответствующий веберовскому смыслу научного призыва в расколдованном мире, мире без иллюзий, где единственной опорой является трезвое

видение лица судьбы и времени. Проработка прошлого в этом ключе выступает и процес-сом сопротивления травме, где на первом месте – поиск не утешения, а способа рефлексии.

Во втором случае – попытка нащупывания в настоящем устойчивых оснований будущего, возможностей их укрепления, не лишенных иллюзорности, риска и надежды. И то, и другое задает особую оптику – оптику «беспокойства духа», разоблачения заблуждений и раскрытия сознания эпохи (в этом ключе писал о науке К. Ясперс как последователь М. Вебера), оптику усматривания возможностей развития и укрепления ценностей гуманизма, которые остаются порой лишь мерцающим горизонтом в ситуации неопределенности, но без которых немыслим научный поиск. Оба этих вектора присутствуют в книге Ж.Т. Тощенко, призыва к их дальнейшему раскрытию и осуществлению.

Как показывают и история, и современность, травма непреодолима, это теневая сторона развития цивилизации, которая несет в себе контроверзу блага и разрушения. На одном поле цивилизационного поиска – внимание к человеку и его благу, гуманистические ценности, воспитанные духом развития мировой культуры и выраженные сегодня в заботе о социальном и человеческом потенциале, социальном благополучии и психологическом самочувствии человека. На другом – всплеск процессов дегуманизации, создающих новые источники травмирующих событий. На травму или общество травмы, к сожалению, не получается смотреть как на то, что будет преодолено или исправлено, как на фрагмент исторического становления. Травма остается, как и ее факторы, но смысл может быть найден через сопротивление ей – с помощью сопереживания, соучастия, активной социальной позиции или рефлексии. В этом сопротивлении роль науки трудно переоценить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов Р.Н. рец. на кн.: Стребков О.Д., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: ВШЭ, 2022 // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 165–168.

Анисимов Р.И. Динамика занятости в России (2018 – середина 2023 г.) // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 73–84.

Асташова Н.Д. Научный прекариат: индивидуализм против колlettивизма // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 30–37.

Воронина Н.Н., Фейгельман А.М. На пути к открытой науке: прекариат как субъект научного творчества // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 46–54.

Журавлев А.Л., Юрьевич А.В. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. № 2(57) 2012 С. 137–140.

Информационно-аналитический доклад «Что мы знаем об обществе, в котором живем». М., 2023. https://www.isras.ru/files/File/grant/grant_report_2023.pdf

Каравай А.В. Благополучная занятость в современной России: что это такое? // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 39–53.

Касавин И.Т. Наука как источник общественного блага и нового гуманизма // Миссия ученого в современном мире: наука как призвание и профессия: коллективная монография / Научн. ред. и сост. Е.В. Вострикова, И.Т. Касавин. М.: РОИФН (Б-ка журн. «Epistemology and Philosophy of Sciences»), 2021. С. 5–16.

Касавин И.Т. Научное творчество как социальный феномен // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 19–29.

Катерный И.В. Развитие теории кризиса в социологии: эволюция идей и современность // Социологические исследования. 2023. № 10. С. 14–26.

Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Динамика продолжительности рабочего времени в постсоветский период // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 27–38.

Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021) // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 29–41.

Лебедев А.Н. Психологическое состояние российского общества в свете макропсихологического подхода // Вестник Пермского ун-та. Сер. Философия. Психология. Социология. 2018. № 2(34). С. 243–251.

Левашов В.К. Граждане России о гибридной социально-политической реальности в стране // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 113–127.

Магун В.С. Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006–2021 годы // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 44–58.

Нестик Т.А., Селезнева А.В. и др. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 5 С. 3–14.

Стреков О.Д., Шевчук А.В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: ВШЭ, 2022.

Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией. М.: Весь мир, 2020.

Шибаршина С.В. О возможностях и перспективах научного прекариата // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 3. С. 55–60.

Юревич А.В. Опыт эмпирической оценки психологического состояния современного российского общества (анализ данных статистики) // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 84–96.

Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. № 2(4). URL: <http://psystudy.ru>

Статья поступила: 25.09.24. Принята к публикации: 28.10.24.

“SOCIETY OF TRAUMA” AS A CONCEPTUALIZATION OF UNCERTAINTY

KASAVINA N.A.,

Institute of Philosophy of the RAS, Russia

Nadezhda A. KASAVINA, Dr. Sci. (Philos.), Corresponding Member of RAS, Professor of RAS, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russia (kasavina.na@yandex.ru).

Abstract. The article explores the society of trauma concept by Zh.T. Toshchenko with reference to specific sociological and psychological research of recent years. The proposed reflections immerse it in the context of socio-philosophical and existential-literary discourse showing the historical importance of studying trauma in social sciences and humanities, as well as for understanding modern social processes. Scientific discourse integrates cultural forms of understanding traumatic events. It works in an interdisciplinary field, predicts risks and negative consequences of social development, and develops ways to overcome them. Thus, it manifests and implements critical and heuristic functions of scientific knowledge. The civilizational meaning of the phenomenon of the society of trauma is emphasized. It addresses the understanding of cultural gaps, radical changes in the activities of social institutions, sharp fluctuations of the lifeworld. Traumatization as a social phenomenon is associated with violations of the continuity in socio-cultural development, its purposefulness and controllability. It generates a long-term negative trace in relation to the socio-psychological well-being of the population. It also causes experienced instability, uncertainty of existence, and a crisis of wellness. In this regard, the article compares the data of different studies to exhibit the features and dynamics of the subjective response to trauma. The analysis carried out in the context of the society of trauma concept indicates a pronounced ambivalence of the public consciousness in modern Russia with its orientation towards a search for stable foundations of a civilized identity. The existing contradictions draw attention to the importance of integrating various parts of public consciousness to avoid new rounds in collective traumatizations.

Keywords: trauma society, Zhan T. Toshchenko, identity, values, social well-being, social well-being, psychological state of society, human potential, traditions.

REFERENCES

Abramov R.N. (2023) reviewed by Strebkov O.D., Shevchuk A.V. What do we know about freelancers? Sociology of free employment. Moscow: HSE, 2022. Rec. R.N. Abramov. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 165–168. (In Russ.)

Anisimov R.I. (2024) Dynamics of employment in Russia (2018 – mid-2023). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 73–84. (In Russ.)

Astashova N.D. (2022) Scientific precariat: Individualism versus Collectivism. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Vol. 59. No. 3: 30–37. (In Russ.)

Information and analytical report “What we know about the society in which we live”, Moscow, 2023. URL: https://www.irasas.ru/files/File/grant/grant_report_2023.pdf (In Russ.)

Karavai A.V. (2024) Successful employment in modern Russia: what is that? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 39–53. (In Russ.)

Kasavin I.T. (2021) Science as a source of public good and new humanism. In: *The mission of a scientist in the modern world: science as a vocation and profession*. Scientific ed. and comp. by E.V. Vostrikova, I.T. Kasavin. Moscow: ROIFN (B-ka zhurn. "Epistemology and Philosophy of Science"): 5–16. (In Russ.)

Kasavin I.T. (2022) Scientific creativity as a social phenomenon. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 59. No.3: 19–29. (In Russ.)

Katerny I.V. (2023) The development of the theory of crisis in sociology: the evolution of ideas and modernity. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 14–26. (In Russ.)

Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. (2024) Dynamics of working hours in the post-Soviet period. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 27–38. (In Russ.)

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2022) The evolution of the social well-being of Russians in the post-Soviet period: from collapse to contrast stability (1994–2021). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 29–41. (In Russ.)

Levashov V.K. (2024) Citizens of Russia on the hybrid socio-political reality in the country. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.4: 113–127. (In Russ.)

Magun V.S. (2023) Evolution of the basic values of the Russian population, 2006–2021. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 44–58. (In Russ.)

Nestik T.A., Selezneva A.V et al. (2021) The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia. *Voprosy psichologii* [Questions of Psychology]. Vol. 67. No. 5: 3–14. (In Russ.)

Shibarshina S.V. (2022) About the possibilities and prospects of the scientific precariat. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 59. No. 3: 55–60. (In Russ.)

Strebkov O.D., Shevchuk A.V. (2022) What do we know about freelancers? Sociology of free employment. Moscow: VSHE. (In Russ.)

Toshchenko J.T. (2020) The society of trauma: between evolution and revolution. Moscow: The Ves' mir. (In Russ.)

Voronina N.N., Feigelman A.M. (2022) On the way to open science: the precariat as a subject of scientific creativity. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 59. No. 3: 46–54. (In Russ.)

Yurevich A.V. (2019) The experience of empirical assessment of the psychological state of modern Russian society (analysis of statistical data). *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 40. No. 5: 84–96 (In Russ.)

Yurevich A.V., Ushakov D.V., Tsapenko I.P. (2009) Quantitative assessment of the macropsychological state of modern Russian society. *Psichologicheskie issledovaniya* [Psychological research: electron. scientific journal]. No. 2(4). URL: <http://psystudy.ru> (In Russ.)

Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (2012) The macropsychological state of modern Russian society. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii* [The Economic Science of modern Russia]. No. 2 (57): 137–140. (In Russ.)

Received: 25.09.24. Accepted: 28.10.24.